

18+

Вашкевич Денис

Джонни. Нью-
Кайрос — 4

Вашкевич Денис

Джонни. Нью-Кайрос — 4

«Издательские решения»

Денис В. Г.

Джонни. Нью-Кайрос — 4 / В. Г. Денис — «Издательские решения»,

Главный герой проводит время в скрытом баре «Дыра», где общается с Мэри — специалистом отдела «Пси-Защиты», чья задача заключается в моделировании нерациональных угроз, недоступных для понимания сухой рациональной системы.

© Денис В. Г.

© Издательские решения

Содержание

Джонни	6
ПРОЛОГ	6
СТИРАНИЕ	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2. ПОДСТИЛКА ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ	12
ФАЗА 1: ПЕРВИЧНЫЙ ОСМОТР	13
ФАЗА 2: ВХОДНОЙ ПОРТ	14
ФАЗА 4: АНОМАЛИЯ В СЕКТОРЕ НОЛЬ	16
ФАЗА 5: ТО, ДЛЯ ЧЕГО НЕТ АЛГОРИТМА	17
ФАЗА 6: ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ	18
ФАЗА 7: ПРОБЕЛ	19
ГЛАВА 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джонни. Нью-Кайрос — 4

Вашкевич Георгиевич Денис

© Вашкевич Георгиевич Денис, 2026

ISBN 978-5-0070-0251-6 (т. 4)

ISBN 978-5-0069-5267-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джонни

ПРОЛОГ

СТИРАНИЕ

Алекс смеялся.

Не тот смех, который бывает от радости. Тот, который бывает когда падаешь — и вдруг оказывается, что земля мягче, чем ты думал, и ты лежишь и смотришь вверх и не понимаешь, почему не больно, и от непонимания смеёшься, потому что больше нечем.

— Вперёд, — сказал он.

Джонни посмотрел на него. Потом — на свои руки. Они были его руками: шрам на указательном пальце левой от стекла в баре «Дыра», когда четыре года назад кто-то разбил бутылку и осколок лёг точно туда где он держал стакан. Он помнил это. Помнил вкус виски и крови одновременно, помнил как Мэри без слов взяла его руку и прижала к своей куртке — не потому что умела перевязывать, а потому что иначе не умела.

Он помнил.

Потом — нет.

Не постепенно. Не как засыпают. Как выключают свет в комнате где ты стоишь: была комната, были стены, был запах — и нет ничего, и ты не успел даже испугаться, потому что страх требует секунды, а здесь не было секунды.

Был смех Алекса.

Было слово.

Потом — белое.

Белое — это не цвет. Это отсутствие информации о том, каким должен быть цвет. Джонни знал это на третьем году службы, когда изучал протоколы первичной калибровки: мозг, лишённый входящих данных, генерирует белый как нулевой сигнал. Не свет. Пустота, которую тело принимает за свет, потому что с пустотой жить невозможно.

Он это знал.

Он не помнил, откуда.

Аналитик когнитивной стабильности. Шестой год.

Это было всё что он знал о себе утром в понедельник, стоя у прозрачного пола двухсотого этажа и глядя вниз на восемьсот тысяч единиц трудового ресурса, функционирующих согласно протоколам.

На левом указательном пальце был шрам.

Он не помнил откуда.

Иногда — редко, в ту секунду между сном и пробуждением когда система ещё не успела закрыть ненужные сектора — ему казалось что где-то кто-то смеётся. Не зло. Как смеются когда падают и вдруг понимают что земля мягкая.

Потом чип брал это обратно.

И он шёл работать.

ГЛАВА 1

УЗЕЛ №200 / «ДЫРА»

Система, способная предсказать всё — уже мертва.
Она просто ещё не получила уведомление.
У каждого города есть своя точка обнуления.

В Городе Порядка это был двухсотый этаж.

Не потому что здесь жила власть. Власть жила на уровнях с двести первого по двести сорок второй, за звуконепроницаемыми стёклами, в квартирах с персональными атмосферными установками, где воздух пах нейтрально и стоил отдельной строки в контракте. Двухсотый — это была граница. Последний этаж, где действовал протокол «Открытого присутствия». Где Надзор смотрел, но не вмешивался, потому что те, кто имел допуск сюда, уже были достаточно ценны, чтобы их не трогать. И достаточно опасны, чтобы это проверять.

Бар «Дыра» занимал угловой сектор двухсотого. Архитектурно — технический узел, перепрофилированный три администрации назад. Ни вывески, ни идентификатора в реестре. Название существовало только в устной передаче и в памяти тех, кто бывал здесь дольше двух лет.

Я бывал здесь шесть.

Мэри допивала третий коктейль. Я это знал не потому что считал — хотя считал — а потому что третий коктейль у неё всегда был тот же: «Арктический распад», синий, с азотным паром, стакан с матовым конденсатом. Первые два она заказывала разные. Третий — всегда этот. Паттерн, который она не замечала. Я давно решил не говорить.

— ...и этот субъект из отдела «Этики», — она поставила стакан с точностью человека, привыкшего к документированию жестов, — говорит мне, что мой анализ иррациональных угроз «демонстрирует иррациональный подход». Дословно. Зафиксировано в протоколе встречи.

— Он прав, — сказал я.

Мэри посмотрела на меня.

— Иррациональность — это твой рабочий инструмент, — продолжил я. — «Психозащита» существует именно потому, что рациональная система не умеет моделировать нерациональные угрозы. Тебя взяли не несмотря на способность мыслить нестандартно. Тебя взяли за неё. Этот человек из «Этики» просто пишет протоколы. Ты пишешь прогнозы, которые сбываются. Это разные профессии.

Пауза. Три секунды.

— Иногда ты говоришь вещи, которые звучат как комплимент, но ощущаются как секционный отчёт.

— Я аналитик рисков, Мэри. Это мой голос.

— Знаю, — она чуть улыбнулась. Не для меня. Для себя — фиксируя факт. — Именно поэтому я здесь, а не в каком-нибудь баре на сто сорок восьмом, где люди улыбаются и не понимают чего.

Я посмотрел вниз. Пол «Дыры» был прозрачным — не из эстетических соображений, а потому что в технических узлах так строили: обзор вниз для мониторинга коммуникаций. Но снизу смотреть было не на что. Только огни. Восемьсот тысяч единиц трудового ресурса, распределённых по ярусам с первого по сто девяносто девятый, функционировали согласно своим протоколам. Питались. Спали по регламенту. Отрабатывали контракты.

Я занимался тем, что анализировал, когда у них начинало «ехать». Когда система давала сбой в отдельной человеческой единице. Писал отчёты. Присваивал индексы риска. Рекомендовал меры.

Это называлось «Управление когнитивной стабильностью».

Я делал это шесть лет. И где-то на третьем году начал замечать одну вещь, которую не включал ни в один отчёт.

Те, у кого «ехало», — они хотя бы что-то чувствовали.

— Мне нужен стимул, — сказал я.

Мэри поставила стакан.

— Уточни параметр.

— Шесть лет я отслеживаю отклонения в других. — Я смотрел не на неё, а вниз, в огни. — Составляю карту чужих разрушений. Знаю, на каком этапе человек начинает говорить сам с собой. На каком — перестаёт спать. На каком — его забирают на «коррекцию», и в реестре появляется новая запись без фотографии. Я знаю эту систему лучше, чем кто-либо на этом этаже. И именно поэтому...

Я обернулся к ней.

— ...мне в ней нечего делать. Я уже знаю все выходы. Все тупики. Все вероятности. Это как играть в игру, зная каждую следующую карту. Технически — выигрываешь. По существу — мертвец.

Мэри изучала меня. Не как человека — как случай. Это была её профессиональная деформация, и она об этом знала, и это её устраивало.

— Ты описываешь ангедонию с компонентом экзистенциального паралича, — сказала она наконец. — В моей системе классификации это индекс Ж-7. Пограничное состояние перед поведенческим сдвигом. — Пауза. — Что ты нашёл.

Не вопрос. Диагноз.

— «Раптор», — сказал я.

Она не изменилась в лице. Те, кто не знал Мэри, приняли бы это за хладнокровие. Я знал, что это значит обратное: информация прошла фильтры и осталась внутри — что происходит только с данными высшего приоритета.

— Протокол полного когнитивного погружения, — произнесла она ровно. — Класс «Запрещённое вмешательство». Статья семнадцать Кодекса о Сознании. Последний задокументированный случай применения — субъект из Q-3, три года назад.

— Который попытался ассимилировать рабочий стол.

— Который по возвращении демонстрировал полное стирание контекстуальной памяти с сохранением процедурных навыков и развитием орально-тактильной фиксации на неодушевлённых объектах. Его мозг не «расплавился», как говорят на нижних уровнях. Он реструктурировался. Под новую архитектуру, для которой не было пользовательского интерфейса. — Она посмотрела на меня. — Я читала его карту. Все восемьдесят страниц.

— И?

— И он видел что-то, чего мы не видим. Это было в его реакциях. До конца. — Она взяла стакан. — За это тебя не увольняют, Джонни. За это присваивают статус «Ликвидируемый актив» и закрывают дело.

— Но до этого — платят.

— Сто тысяч кредитов не стоят того, чтобы стать экспонатом.

— Мэри. — Я дождался, пока она посмотрит на меня. — Ты только что сказала, что он видел что-то, чего мы не видим. Ты. Аналитик «Пси-Защиты» с допуском уровня четыре. Ты это сказала.

Тишина.

Три секунды. Четыре. Пять.

— Я сказала это как наблюдение, — произнесла она наконец.

— Я принял как аргумент.

Терминал на моём запястье завибрировал. Я взглянул на экран.

Алекс. Красная рамка: «КРИТИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ».

Мэри увидела.

— Не сейчас.

— Подожди.

— Джонни —

Я нажал «Принять».

На экране были только три символа. Алекс не умел писать кратко — в панике умел.

«7Д. РЕГ».

Я убрал терминал.

— Это мой второй аргумент, — сказал я.

ГЛАВА 2. ПОДСТИЛКА ДЛЯ НЕЙРОСЕТИ

(или: о том, почему нестандартное поведение периферии карается по пункту 47)

ФАЗА 1: ПЕРВИЧНЫЙ ОСМОТР

В клубе «Мембрана» не пахло будущим. Пахло прогрессом — таким, каким он становится на третьи сутки без вентиляции.

Снаружи — рейв. Внутри — скотобойня с претензией на интерфейс.

Алекс нашёл кресло в третьей кабинке и сел. Обивка приняла его с влажным чвьяком — звуком, в котором умещалась краткая биография всех, кто сидел здесь до него. Она была липкой. До него здесь сидел кто-то, кто оставил от себя всё, кроме имени и органов.

За бронированным стеклом напротив — Дилер.

Серия «Сервис», выпуск позапрошлого десятилетия. Половина лица отсутствует — не дизайнерское решение, просто запчасти перестали поставлять после смены поставщика. Онковырял отвёрткой в собственном плечевом суставе и смотрел голограмму. Жанр голограммы — определённо взрослый. Концентрация — профессиональная.

— Что принёс? — спросил он, не поворачиваясь.

— Страх, — сказал Алекс. — Экзистенциальный. Перед расчленёнкой в прямом эфире.

Дилер выключил голограмму. Его механический глаз медленно развернулся; зрачок зафокусировался на Алексе с тем специфическим звуком, который бывает, когда объектив немного заедает.

— Реальная угроза или художественное преувеличение?

— Сто биткоинов. Регуляторы. Девяносто шесть часов.

Пауза. Дилер что-то взвесил.

— Это Premium-контент.

Он нажал кнопку.

ФАЗА 2: ВХОДНОЙ ПОРТ

Из спинки кресла выдвинулся кабель. Толстый, потёртый, с зазубринами на коннекторе. Он повис в воздухе, слегка покачиваясь — как вопрос, который не стоит задавать вслух.

— Поворачивайся, — сказал Дилер. — И расслабь порт. В прошлый раз ты зажал контакты, пришлось три дня чистить штекер. Я не нанимался уборщиком чужих нейронов.

Алекс наклонил голову.

ЩЕЛК.

Боль пришла снизу — из основания черепа, туда, где позвоночник перестаёт быть позвоночником и становится чем-то более личным. Алекс уставился в потолок. На потолке было пятно неустановленного происхождения, формой напоминавшее очертания страны, которой он никогда не видел.

— Канал открыт, — буднично сообщил Дилер, глядя на монитор. — Клиенты из Шпиля подключились. Восемьсот сорок семь активных сессий. Давай, генерируй.

[ОБЪЕКТ 912 — В СЕТИ. КЛАСС: PREMIUM. АКТИВНЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ: 847]

ФАЗА 3: ТОВАРНАЯ ЕДИНИЦА

Алекс закрыл глаза.

Ему не нужно было воображать. Он просто вспомнил руки Регулятора — как они выглядят на обучающих роликах, которые Сектор 9 крутит в качестве профилактики неплатежей. Белые латексные перчатки. Лазерный скальпель. И выражение лица у человека в перчатках — спокойное, рабочее, такое бывает у людей, которые занимаются делом, которое им нравится.

Кортизол ударил в кровь.

Адреналин следом.

Тело включило режим «умираю» и начало добросовестно транслировать его как продукт.

[ТРАНЗАКЦИЯ: +500... +4,000... +12,000 КРЕДИТОВ]

— Хорошо идёт, — прокомментировал Дилер, не отрываясь от графиков. — У них там рецепторы прямо текут. Ты сегодня качественная дырка, Алекс.

Наверху — в стерильных пентхаусах над Шпилем, где воздух проходит три степени очистки и даже тараканы согласованы с администрацией — восемьсот сорок семь человек в Кварц-шлемах погрузились в чужой страх, как в горячую ванну. Они «макали» нейроны в его ужас и находили это восхитительным.

Он был для них острым соусом.

Приправой.

Едой.

Алекс это знал. И именно поэтому — где-то глубже, на уровне, которого не было ни в каком прайс-листе, — что-то начало двигаться.

ФАЗА 4: АНОМАЛИЯ В СЕКТОРЕ НОЛЬ

Сначала — в левой руке.

Не боль. Не онемение. Движение — как будто рука приняла решение самостоятельно, не посоветовавшись с хозяином, и теперь тянулась куда-то. Туда, где внутри нейро-канала висела светящаяся паутина, которую Алекс видел краем зрения уже несколько секунд, но принимал за артефакт соединения.

Это была не паутина.

Это была Система.

Не метафора, не интерфейс — сама архитектура. Узлы. Потoki данных. Семьсот миллионов транзакций в секунду, пульсирующих как что-то живое — потому что по большому счёту она и была живой, просто не тем видом жизни, которому нужен кислород.

Рука потянулась к ближайшему узлу.

Из пальцев вышла нить.

Красная.

Алекс не контролировал её. Он смотрел на неё так же, как смотрел бы на собственную руку, которая вдруг начала делать что-то, чему её никто не учил — с интересом и лёгким ужасом.

Нить коснулась узла.

Боль вошла через затылок и вышла через правый глаз.

В реальном кресле — Алекс дёрнулся. Из носа потекло. Не струёй — медленно, как бывает, когда давление меняется резко и тело не успевает среагировать культурно.

Дилер посмотрел на него. Потом на монитор. Потом снова на Алекса.

— У тебя кровотечение, — сказал он с интонацией человека, обнаружившего неисправность в оборудовании. — Это нестандартно. Обычно они не кровят в этой точке.

Он взял диагностический планшет и начал заполнять форму.

ФАЗА 5: ТО, ДЛЯ ЧЕГО НЕТ АЛГОРИТМА

Внутри канала нить знала что-то, чего не знал Алекс.

Она не читала архитектуру — она её чувствовала. Как чувствуют трещину в стене, не видя её: кончиками пальцев, через вибрацию, через то место, где штукатурка иначе отзывается на нажим.

Алгоритмы Системы были построены на логике. Логика предполагала, что любой агент действует в собственных интересах по вычислимой модели. Красная нить не имела модели. Вместо неё было что-то хуже — она двигалась согласно тому, что правильно, а «правильно» не имело формальной записи ни в одном языке программирования. Это был не баг. Это был класс входных данных, для которого не существовало ни инструкции, ни протокола, ни даже поля в форме.

Первый протокол безопасности попытался её заблокировать.
Нить прошла сквозь него, как нож сквозь туман.

Второй выслал алгоритм распознавания угроз. Алгоритм проанализировал нить, не нашёл угрозы в известных категориях и сообщил, что всё в порядке. Это было его последнее сообщение.

Третий уровень — финансовые замки. Лимиты выплат. Потолки транзакций. Всё, что делало Систему Системой, а не просто красивой идеей.

Нить потянула.

Боль в черепе Алекса стала такой, что он слышал её как звук — высокий, тонкий, похожий на то, как звенит посуда перед землетрясением. В реальном кресле его трясло мелкой дрожью. Кровь с подбородка капала на операторский пульт. Левая рука онемела по локоть.

[АНОМАЛИЯ В СЕКТОРАХ 7, 12, 19. ИДЕНТИФИКАЦИЯ АГЕНТА: НЕИЗВЕСТНО]

[СИСТЕМНЫЙ МОНИТОРИНГ — ЧАСТИЧНЫЙ ОТКАЗ]

[ВЫПЛАТА ОБЪЕКТУ 912: +80,000... +190,000... +380,000... +500,000 КРЕДИТОВ]

Дилер оторвался от диагностического планшета.

На его мониторе графики делали то, чего графики не делают. Они шли вертикально — без замедления, без потолка, как будто кто-то убрал из уравнения гравитацию. Он смотрел на трясущегося, кровоточащего человека с онемевшей рукой и закатившимися глазами. Потом на графики. Потом снова на человека.

— Подожди, — сказал он. Не Алексу. Себе. — Это он делает?

Он перелистал планшет и открыл раздел технической документации: «Нестандартное поведение периферии». Начал читать.

ФАЗА 6: ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ

Внутри — Алекс видел финиш.

Не как красивую точку. Как математический факт: ещё три узла — и долг закрыт. Ещё три — Регуляторы разворачивают машину. Ещё три — у него есть завтра.

Нить тянулась к последнему замку.

Боль давно перестала быть болью — она превратилась в фон, как шум города, к которому привыкаешь и перестаёшь считать звуком. Левая рука не существовала. Правый глаз показывал серое. Тело работало на том, что осталось, и этого хватало.

В Шпиле — в стерильных пентхаусах, где воздух без запаха и мебель без истории — восемьсот сорок семь человек в Кварц-шлемах одновременно получили что-то, чего не было в каталоге. Не страх. Не чужой адреналин. Что-то без названия в их словаре — потому что они никогда не испытывали его сами. Ощущение, что идёшь наперекор чему-то большему, чем ты, и у тебя нет шансов, и ты всё равно идёшь.

Один из восьмисот сорока семи снял шлем.

Просто сел на диван. Не понимая почему.

А Дилер нашёл наконец нужный пункт в документации. Раздел 4, параграф 12: «При нестандартном поведении периферии, угрожающем целостности финансовой инфраструктуры, применить Протокол Карательного Разъединения (ПКР)».

Он посмотрел на кнопку.

На мониторы.

На Алекса.

Вздыхнул — с интонацией человека, которому в пятницу вечером сообщили, что надо задержаться.

Нажал.

ФАЗА 7: ПРОБЕЛ

Двести двадцать вольт пришли через нейро-порт без предупреждения и без плавного нарастания. Система не делала это жестоко. Она делала это так же, как делает всё, — эффективно.

Внутри канала нить погасла.

Пятьсот тысяч кредитов свернулись в ноль за одну транзакцию.

Снаружи — Алекс вывалился из кресла. Не упал — именно вывалился, как содержимое сумки, когда молния ломается в самый неудачный момент. Столкнулся с подлокотником, потом с полом, потом с остатками чужой биографии на линолеуме.

Желудок высказал своё мнение о нейрокоммерции.

Развёрнуто. С подробностями.

Дилер посмотрел на него. Потом на лужу. Открыл планшет и добавил строку в форму.

— Нарушение пользовательского соглашения, пункт сорок семь, — сказал он. — Выплаты аннулированы. Сессия завершена.

Алекс смотрел в потолок. Пятно на потолке смотрело обратно.

— Я взломал... — прошептал он. — Я прошёл через всё. Через всю систему. Я...

— Ты создал нештатную нагрузку на инфраструктуру и спровоцировал автоматическое применение протокола, — перебил Дилер. — Технически. — Он перечитал форму. — Ты также повредил операторский пульт биологическими жидкостями. Это отдельная статья расходов.

— У меня было пятьсот тысяч.

— У тебя была аномалия, которую система классифицировала и устранила, — сказал Дилер. — Строка «Тип инцидента»: нестандартное поведение периферии, класс Б. — Он ото-рвался от планшета и посмотрел на Алекса с тем интересом, с каким смотрят на прибор, показавший неожиданный результат. — Хотя, если честно, такой класс я вижу первый раз. Обычно периферия не создаёт настолько... нестандартных нагрузок. — Пауза. — Возможно, в следующий раз приходи с базовым пакетом. Страх, тревога, лёгкая паника. Работает стабильно. Зачем усложнять.

Он потянулся к кабелю и выдернул его из шеи Алекса. Грубо. Как шнур из розетки, которая всё равно уже не работает.

[БАЛАНС ОБЪЕКТА 912: —84,000. СТАТУС: ИМУЩЕСТВО БАНКА. ФЛАГ: АНОМАЛЬНЫЙ АГЕНТ]

ФАЗА 8: КРАСНАЯ МЕТКА

Алекс выполз на улицу.

Кислотный дождь принял его без комментариев — так принимают человека, который знает, что опоздал.

Левая рука по-прежнему не чувствовала ничего. Он сжал кулак и разжал — пальцы двигались, но как чужие, как механизм, который работает без обратной связи.

Потом — тихий щелчок под кожей. На задней стороне шеи, там, где нейро-порт граничил с позвонком. Мягкий. Почти ласковый. Как прикосновение к плечу человека, которому ты должен денег.

Красный диод.
Раз в секунду.

За его спиной — внутри «Мембраны» — Дилер дописывал форму. Строка «Тип инцидента»: нестандартное поведение периферии, класс Б, прецедент первый. Строка «Меры»: протокол применён, клиент деактивирован. Строка «Примечания»: рекомендуется санитарная обработка третьей кабины.

Он отправил форму и вернулся к голограмме.

Алекс набрал номер.

Три гудка.

— Джонни. Они включили таймер. Иди в «Дыру». Прямо сейчас.

Пауза.

— Снова?
— Снова.

Он убрал телефон и пошёл.

Не побежал — пошёл, потому что если бежать, красный диод мигает быстрее, и от этого начинает казаться, что сердце тоже. Он шёл под кислотным дождём, который смывал кровь с подбородка, но не мог достать туда, где у левой руки кончалось ощущение себя.

Где-то позади — уже выехали.

Диод мигал.
Раз в секунду.
Ровно.

ГЛАВА 3

ЖИЛОЙ МОДУЛЬ 881-Д / ЭТАЖ 200 / 06:14

Рассвет в Городе Порядка — фиолетовый.

Не метафора. Химия: определённая концентрация взвешенных частиц в атмосферном слое даёт именно этот спектр при угле солнца в семь градусов. Я знал это с третьего года работы — занёс в личный файл вместе с другими данными, которые ни разу не понадобились ни в одном отчёте, но которые почему-то не хотелось терять.

Я стоял у окна. Мэри была в душевом модуле — я слышал воду. Она пела что-то атональное: не потому что не знала мелодии, а потому что считала точное воспроизведение «неоправданными когнитивными затратами». Её слова.

В дверь ударили.

Не звонок доступа. Прямой удар по бронированной панели — кулак или рукоять, несколько раз, с интервалом человека, для которого понятие «протокол входа» перестало существовать.

Я открыл.

Алекс. Он был в том же, что вчера: рабочий комбинезон, идентификационная полоса 912 на плече, которую он давно перестал снимать — наверное, уже не замечал. Глаза — два перегруженных процессора на пороге аварийного отключения. Он дышал ртом, коротко, как дышат после бега или после того, как что-то понял.

— Они прислали уведомление, — сказал он. Голос был тихий. Это было хуже крика.

Из душевого модуля вышла Мэри — полотенце, мокрые волосы, профессиональная оценка ситуации за две секунды.

— «Регуляторы»? — спросила она.

Алекс бросил терминал на стол.

Мы смотрели на экран.

СТАТУС: ДЕФОЛТ
САНАЦИЯ АКТИВА 912
СРОК: 7 СУТОК
ИСПОЛНИТЕЛЬ: ОТДЕЛ РЕГУЛЯЦИИ

«Регуляторы» — это не коллекторы. Коллекторы работают с документами. «Регуляторы» работают с людьми. Буквально: они приходят, изымают биологическую единицу, передают в «отдел переработки», где из неё извлекают всё, что имеет рыночную стоимость. Органы.

Нейронные паттерны. Если повезёт — просто обнуляют память и выставляют на «вторичный рынок труда» под новым номером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.